

Загадочная книга

Про книгу

В сборник вошли рассказы «Загадочная книга», «Сапфировый крест», «Молот Господень», «Странные шаги», «Загадочное исчезновение», «Дуэль доктора Хирша», «Волшебная сказка отца Брауна», «Бог гонгов», «Голова Цезаря», «Лиловый парик», «Салат полковника Крэя», «Сломанная шпага», «Странное преступление Джона Бульнуа», «Небесная стрела», «Проклятие золотого креста» и «Собака-прорицатель».

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ГИЛБЕРТ КИТ
ЧЕСТЕРТОН

ЗАГАДОЧНАЯ
КНИГА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

ЗАГАДОЧНАЯ КНИГА

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2018 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-4864-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

Гилберт Кит Честертон – англійський письменник, журналіст, яскравий представник авторів класичного детективу. Честертон написав понад 80 книг, 200 оповідань, кілька романів. Але найбільшу популярність йому приніс цикл детективних новел про отца Брауна — тихого, соромливого священика, який майстерно розкриває самі запутані загадки і злочини. Він користується особливим методом в розслідуваннях, ставлячи себе на місце злочинця, щоб зрозуміти логіку злочину. Неймовірні пригоди цього мудрого героя завоювали серця мільйонів читачів по всьому світу і внесли нове в жанр детективу.

До збірки увійшли оповідання «Загадкова книга», «Сапфіровий хрест», «Молот Господній», «Дивні кроки», «Загадкове зникнення», «Дуель доктора Хірша», «Чарівна казка отца Брауна», «Бог гонгів», «Голова Цезаря», «Лілова перука», «Салат полковника Крея», «Зламана шпага», «Дивний злочин Джона Бульнуа», «Небесна стріла», «Прокляття золотого хреста» і «Собака-віщун».

Честертон Г.-К.

Ч-51 Загадочная книга / Гилберт Кит Честертон. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)

ISBN 978-617-12-4718-5

Гилберт Кит Честертон — английский писатель, журналист, яркий представитель авторов классического детектива. Честертон написал более 80 книг, 200 рассказов, несколько романов. Но наибольшую популярность ему принес цикл детективных новелл об отце Брауне — тихом, застенчивом священнике, который мастерски раскрывает самые запутанные загадки и преступления. Он пользуется особым методом в расследованиях, ставя себя на место преступника, чтобы понять логику преступления. Невероятные приключения этого мудрого героя завоевали сердца миллионов читателей по всему миру и привнесли новое в жанр детектива.

В сборник вошли рассказы «Загадочная книга», «Сапфировый крест», «Молот Господень», «Странные шаги», «Загадочное исчезновение», «Дуэль доктора Хирша», «Волшебная сказка отца Брауна», «Бог гонимых», «Голова Цезаря», «Лиловый парик», «Салат полковника Крэя», «Сломанная шпага», «Странное преступление Джона Бульнуа», «Небесная стрела», «Проклятие золотого креста» и «Собака-прорицатель».

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Загадочная книга

Профессор Опеншоу всегда взрывался с громким хлопком, когда кто-нибудь называл его спиритом или утверждал, что он верит в спиритизм. Впрочем, это не исчерпывало его порохового запаса, поскольку возмущение профессора было не меньшим, когда кто-либо утверждал, что он не верит в спиритизм. Профессор Опеншоу был чрезвычайно горд тем, что всю жизнь посвятил изучению психических феноменов; еще он гордился тем, что ни разу не позволил себе даже намеком дать понять, считал ли он их в самом деле психическими явлениями или же относил к категории простых феноменов. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем сидеть в окружении убежденных спиритов и смаковать подробности того, как он разоблачал одного медиума за другим, и сколько раз он раскрывал различные мошенничества. Дело в том, что он действительно был наделен большим дедуктивным талантом и нешуточной проницательностью, которые проявлялись, стоило ему пристальнее присмотреться к тому или иному объекту, и надо отметить, что к медиумам он всегда присматривался с особым вниманием, полагая их объектом чрезвычайно подозрительным. Не раз он рассказывал о том, как сумел вывести на чистую воду одного спирита-шарлатана в трех разных обличьях: женщины, седобородого старца и шоколадно-коричневого брамина. Искренних сторонников этого учения подобные истории приводили в некоторое замешательство (что, собственно, и было их целью), никто, правда, не стал бы на это жаловаться, так как ни один спирит не отрицает существования мошенников в своей среде, вот только красноречие профессора как бы сводилось к тому, чтобы доказать, будто все медиумы — обманщики.

Но горе тому простодушному, невинному материалисту (а материалисты вообще народ простодушный и невинный), кто, послушав его речи, посмеет заявить, что существование призраков противоречит законам природы, или что подобного рода явления — не более чем старые суеверия, проще говоря, вздор, ахинея. Случись такое, сам же профессор неожиданно разворачивал орудия и обрушивал на смельчака неисчислимое множество не подлежащих сомнению примеров необъяснимых феноменов, о которых несчастный

рационалист никогда и не слышал; сыпал датами, описывал подробности, перечислял неудачные попытки объяснить все это с научной точки зрения, короче, говорил обо всем, кроме того, верил ли сам он, Джон Оливер Опеншоу, в существование духов. И ни один спирит, ни один материалист не мог похвастать тем, что сумел это понять.

Профессор Опеншоу, сухопарый мужчина с львиной гривой песочных волос и гипнотическими голубыми глазами, беседовал со своим другом отцом Брауном на лестнице гостиницы, в которой оба провели ночь и позавтракали этим утром. Вчера профессор довольно поздно вернулся с очередного великого эксперимента в сильном раздражении, и его все еще не покинул воинственный задор после того боя, который он, как всегда, вел как за, так и против обеих сторон.

— Ну вы-то ладно, — усмехнувшись, сказал он. — Вы все равно ничему не поверите, если бы даже это оказалось правдой. Но все эти люди постоянно спрашивают меня: что я пытаюсь доказать? Они как будто не понимают, что я — ученый. Ученый ничего не пытается доказывать. Он пытается найти то, что докажет само себя.

— Но пока еще это ему не удастся, — заметил отец Браун.

— У меня есть несколько собственных соображений, и они не настолько отрицательны, как большинству из них кажется, — ответил профессор, на какой-то миг сдвинув брови. — Как бы то ни было, я начинаю подозревать, если тут и есть, что искать, то ищут они это не там, где нужно. Все это слишком уж театрально, словно делается напоказ: все эти сверкающие эктоплазмы, потусторонние звуки, голоса, все остальное. Все как будто списано из старых мелодрам и давно заплесневевших романов про родовые замки с привидениями. Если бы они обратились не к романам, а к истории, там бы они, как мне кажется, смогли что-то для себя найти... Помимо привидений.

— В конце концов, — сказал отец Браун, — привидения — это всего лишь видимость, явление образа, не больше. Никто ведь не станет спорить, что фамильные призраки появляются.

Взгляд профессора, как правило, отстраненно-рассеянный, неожиданно обрел осмысленность и сфокусировался, так он обычно смотрел на не вызывающих доверия медиумов. Вид у него при этом сделался такой, будто он поднес к глазу мощное увеличительное

стекло. Нет, священник не показался ему похожим на подозрительного медиума, просто профессора удивило, что его друг думал почти то же самое, что и он.

— Явление! — пробормотал он. — Надо же, странно, что вы об этом упомянули. Чем больше я узнаю, тем сильнее у меня складывается впечатление, что люди многое теряют, думая только о явлениях. Если бы кто-нибудь хоть немного подумал об исчезновениях...

— Да, — кивнул отец Браун. — Тем более что в настоящих легендах далеко не всегда говорится только лишь о появлении мифических существ, о призывах к Титании или явлениях Оберона при луне, к примеру. Существует бесконечное множество легенд об исчезновении людей, которых похищают духи природы, феи. Уж не о Килмени¹ или Томасе-Рифмаче² вы говорите?

— Я говорю об обычных современных нам людях, о которых в газетах пишут, — ответил Опеншоу. — Может быть, вас это и удивит, но сейчас именно они являются моей добычей, и я преследую ее уже достаточно давно. Если честно, я считаю, что многие из психических явлений можно объяснить. А вот исчезновения для меня — загадка, если только они не относятся к области психического. Все эти люди, которые бесследно пропадают среди бела дня и которых потом разыскивают через газеты. Если бы вам было известно то, что известно мне... Да вот только сегодня утром я получил подтверждение — необычное письмо от одного старого миссионера, вполне уважаемого старика. Он собирается сегодня в первой половине дня встретиться со мной у меня на работе. Хотите — давайте пообедаем вместе, я расскажу, чем закончится эта встреча... Только это строго между нами, договорились?

— Спасибо, я приду, — скромно отозвался отец Браун. — Если, конечно, до того времени меня не похитят духи.

На этом они расстались, и Опеншоу повернул за угол, направляясь к своему маленькому кабинету, который снимал недалеко от гостиницы. Там он в основном занимался тем, что готовил к публикации небольшую газету, где печатались посвященные психическим и психологическим вопросам статьи самого сухого, агностического характера. У него был только один служащий, секретарь, который, сидя за столом в приемной кабинета, подбирал факты и производил различные исчисления для будущих публикаций.

Проходя к себе, профессор задержался, чтобы спросить у него, не приходил ли мистер Прингл. Секретарь, не отрываясь от работы, машинально ответил «нет» и продолжал строчить цифры, а профессор завернул во внутреннюю комнату, которая и была его кабинетом.

— Да, кстати, Бэрридж, — бросил он на ходу, — если мистер Прингл придет, пусть проходит прямо ко мне. От работы не отвлекайтесь — я бы хотел, чтобы вы закончили сегодня, если это возможно. Можете оставить результаты у меня на столе, если завтра я опоздаю.

И он вошел в кабинет, обдумывая тот вопрос, который подняло или даже разрешило письмо Прингла. Даже самый закоренелый агностик до определенной степени продолжает оставаться обычным человеком, и, возможно, профессору показалось, что письмо миссионера могло стать своего рода подтверждением его еще не сформировавшейся окончательно теории. Он сел в большое удобное кресло напротив гравюры Монтеня и еще раз перечитал короткое послание от преподобного Люка Прингла, в котором тот просил разрешения заехать к нему этим утром. Никто лучше профессора Опеншоу не знал отличительных черт письма человека эксцентричного или неуравновешенного: перенасыщенность деталями, ломаный почерк, излишняя затянутость, ненужные повторы. Ничего подобного в этом письме. Это была короткая, отпечатанная на машинке записка, где автор в сухой, деловой манере сообщал, что столкнулся с несколькими необычными случаями исчезновения, которые могут вызвать интерес у профессора как у исследователя психических явлений. Профессору было приятно это узнать, и никаких отрицательных чувств у него не возникло, кроме неожиданного удивления, когда он, подняв голову, увидел, что преподобный Люк Прингл уже в его комнате.

— Ваш секретарь сказал, что я могу заходить, — произнес мистер Прингл извиняющимся тоном, но с широкой приятной улыбкой, которую частично скрыли косматая рыжеватая борода и пышные бакенбарды. Эта борода, густая и всклокоченная, напоминала джунгли (такие бороды иногда отрачивают белые люди, подолгу живущие в тропических лесах), но в глазах над вздернутым носом не было ничего дикого или чужеземного. Опеншоу мгновенно устремил на них испытующий взгляд — сконцентрированный луч, зажигательное стекло скептического недоверия, столько раз помогавшее ему понять, кто перед ним: шарлатан, маньяк или человек, которому можно верить.

На этот раз у него возникло непривычное положительное чувство. Такая клочковатая борода могла принадлежать и сумасшедшему, но глаза мистера Прингла совершенно не соответствовали бороде: таких откровенных, веселых глаз не бывает ни у настоящих мошенников, ни у настоящих помещаннх. Человек с такими глазами должен быть обычным обывателем, скептиком-жизнелюбом, который хоть и на свой примитивный лад, но совершенно искренне будет спорить со всяким, кто попытается доказать существование духов и привидений. В любом случае ни один профессиональный обманщик не смог бы изобразить подобную несерьезность. Мужчина был в застегнутом под самое горло стареньком плаще, и лишь широкополая чуть сдвинутая набок шляпа указывала на то, что это священник. Впрочем, миссионеры из мест отдаленных и диких не всегда одеваются так, как положено духовным лицам.

— Вы, профессор, наверное, думаете, что все это очередной розыгрыш, — сказал мистер Прингл, и в голосе его послышалось непонятное веселье. — Надеюсь, вы не будете сердиться из-за того, что ваше вполне естественное недоверие вызывает у меня улыбку. Но все равно мне нужно поделиться фактами с кем-то, кто разбирается в подобных вопросах, поскольку то, что я хочу вам рассказать, не выдумки. Если говорить серьезно, эта история не только правдива, но и трагична. Короче говоря, я служил миссионером в Ня-Нья, это станция в Западной Африке прямо среди густых джунглей. Единственным во всей округе белым человеком там был командующий этим районом, капитан Уэйлз. Там и он, и я, как бы это сказать... Немного одичали, что ли. Он вообще недолго любил миссию. Уэйлз был, если так можно выразиться, диковатым во многих отношениях, из тех туповатых вояк с квадратными плечами, для которых важнее действовать, чем думать, и уж тем более, во что-то верить. От этого, к слову, вся эта история кажется еще более странной. Однажды после короткого отпуска он вернулся в свою палатку в джунглях и рассказал, что с ним произошел удивительный случай, и теперь он совершенно не понимает, что делать дальше. У него с собой была старинная книга в кожаной обложке, и он положил ее на стол рядом с револьвером и арабским кинжалом, который хранил как сувенир. Он сказал, что книга эта принадлежала человеку, на чьей лодке он только что приплыл, и человек тот утверждал, что эту книгу никому не то что

читать, даже открывать нельзя, потому что того, кто это сделает, заберет дьявол или он исчезнет. В общем, что-то в этом духе. Уэйлз, конечно же, тут же стал убеждать его, что все это ерунда, да так, что они в конце концов поссорились. Закончилось это, похоже, тем, что этот лодочник, которого капитан обвинил в трусости и суеверии, все-таки заглянул в книгу. И, как только он это сделал, книга выпала из его рук, он попятился к борту лодки...

— Минуточку, — прервал его профессор, который, слушая, делал какие-то заметки в записной книжке. — Прежде чем вы продолжите рассказ, ответьте мне на один вопрос: тот человек рассказал Уэйлзу, откуда у него эта книга или кому она принадлежала до него?

— Да, — ответил Прингл, который уже не выглядел таким веселым. — Если мне не изменяет память, он сказал, что везет ее вернуть прежнему владельцу, доктору Хэнки, путешественнику и исследователю Востока, который и предупредил его о странных особенностях книги. Хэнки — человек умный, настоящий ученый и большой скептик. То-то и странно. Впрочем, в рассказе Уэйлза все было просто. Лодочник, заглянув в книгу, выбросился за борт, и с тех пор его никто не видел.

— А сами вы в это верите? — помолчав, спросил Опеншоу.

— Верю, — ответил Прингл. — И верю по двум причинам. Во-первых, Уэйлз напрочь лишен воображения, а он в своем рассказе упомянул такое, что придумать мог только человек с богатой фантазией. Он сказал, что, хоть день был тихий и безветренный, лодочник, перешагнув через борт, исчез бесшумно, не издав всплеска. Несколько секунд профессор молча смотрел на свои записи.

— А вторая причина? — наконец спросил он.

— А вторая причина — это то, что я увидел своими собственными глазами, — тихо произнес преподобный Люк Прингл.

Снова наступила тишина, которую на этот раз все тем же невыразительным, деловитым тоном нарушил Прингл. В нем совершенно не чувствовалось волнения, свойственного любому безумцу или даже простому человеку, искренне верящему в то, что говорит сам, и старающемуся убедить в этом кого-то еще.

— Как я уже говорил, Уэйлз положил книгу на стол рядом с кинжалом. В палатке был только один вход, и я как раз стоял рядом с ним, спиной к Уэйлзу, и смотрел в лес. Он же стоял у стола и что-то бормотал

раздраженным голосом. Говорил, до чего это глупо в двадцатом веке бояться заглянуть в книгу, и, мол, ничто ему не может помешать самому ее открыть. Но тут во мне, очевидно, проснулся какой-то инстинкт, и я посоветовал ему не делать этого, сказав, что лучше вернуть ее доктору Хэнки. «Да что она мне сделает, книга эта?» — воскликнул он. «Что сделает? — ответил я. — А что она сделала с тем вашим другом на лодке? Что с ним случилось?» Он не ответил. Да я и не представлял, что тут можно было ответить, и все же продолжал его убеждать, призвав в помощь логику. «Хорошо, предположим, эта книга совершенно безопасна. Как, в таком случае, вы объясните то, что произошло на лодке?» Он и на этот раз ничего не ответил. Тогда я обернулся и увидел, что он исчез.

Палатка была пуста. Книга лежала на столе, открытая, однако обложкой вверх, как будто это он раскрыл и перевернул ее. Но на земле рядом со столом валялся его кинжал, а в натянутом брезенте зиял большой разрез, словно кто-то этим кинжалом вспорол ткань, чтобы выйти. Мне был прекрасно виден сам разрез, но за ним не было ничего, только мерцали темные джунгли. Я подошел к дыре и выглянул наружу. И вот что я заметил: растения, переплетающиеся здесь ветками, не сломаны, а трава даже не примята. По крайней мере, на расстоянии нескольких футов от палатки. С того дня я ни разу не видел капитана Уэйлза и не знаю, что с ним случилось.

Я завернул книгу в плотную упаковочную бумагу, стараясь даже не смотреть на нее, и привез в Англию. Сначала я собирался отдать ее доктору Хэнки. Но потом мне на глаза попала статья в вашей газете, в которой вы как раз говорите о таких вещах, вот я и решил по дороге заехать и рассказать вам эту историю, поскольку знаю, что вы человек взвешенных суждений и не боитесь иметь дело с необычным.

Профессор Опеншоу положил ручку и впился взглядом в человека, сидящего на другом конце стола. В этом взгляде он попытался сконцентрировать весь свой богатый опыт общения со всевозможного рода мошенниками и даже с некоторыми видами честных, но эксцентричных людей и оригиналов. В другой ситуации он бы начал с вполне здравого предположения, что вся эта история — не более чем нагромождение выдумок и лжи. По большому счету, он и был склонен думать, что все это сплошное вранье, да вот только человек, которого он видел перед собой, никак не вписывался в эту теорию. Даже если

предположить, что он лжет, Опеншоу не мог поверить, что *такой* лжец мог *так* лгать. Прингл не старался произвести впечатление откровенного человека, как поступает большинство шарлатанов и жуликов. Скорее даже наоборот, казалось, что он говорит правду, хотя прямо на поверхности плавало нечто неуловимое, наводящее на мысль о противоположном. «Может быть, этот действительно искренний человек, просто что-то не так понял и оттого впал в заблуждение?» — предположил профессор. Так ведь нет, опять же, не те симптомы: в нем чувствовалось какое-то холодное безразличие, как будто ему не было дела до своего заблуждения, если, конечно же, это всего лишь заблуждение.

— Мистер Прингл, — резко и неожиданно произнес он, как адвокат, от чьего возгласа свидетель вздрагивает, — где сейчас находится ваша книга?

Улыбка снова появилась на бородатом лице, которое за время рассказа сделалось серьезным.

— Я оставил ее снаружи, — сказал мистер Прингл. — В вашей приемной. Может, это и рискованно, но это меньший из двух рисков.

— Что вы имеете в виду? — не понял профессор. — Почему вы не принесли ее сюда?

— Потому что, — ответил миссионер, — я знал, что вы откроете ее, как только увидите... не дослушав моего рассказа. Поэтому и решил, что, возможно, выслушав меня, вы все же подумаете, прежде чем это сделать. — Немного помолчав, он добавил: — Там все равно никого не было, кроме вашего секретаря, а он показался мне спокойным, невозмутимым джентльменом, к тому же он был очень занят какими-то расчетами.

Опеншоу от души рассмеялся.

— А, Беббидж³! — воскликнул он. — Ваши магические книги с ним в полной безопасности, могу вас заверить. Вообще-то его зовут Бэрридж, но я частенько называю его Беббиджем, потому что он ужасно похож на счетную машину. Уж кто-кто, а этот человек — если его вообще можно так назвать — меньше всего склонен открывать чужие пакеты, завернутые в упаковочную бумагу. Думаю, теперь можно принести ее сюда, и, поверьте, я весьма ответственно отношусь к вашему рассказу. Скажу вам откровенно, — лицо его снова сделалось серьезным, он внимательно посмотрел на гостя, — я не уверен, стоит

ли открывать эту книгу здесь и сейчас, или же лучше просто отправить ее этому доктору Хэнки.

Они вместе вышли из кабинета в приемную, но, как только они это сделали, мистер Прингл вскрикнул и бросился к столу секретаря. Стол остался на месте, но секретарь исчез. На столе рядом с разорванной упаковочной бумагой лежала старинная книга в кожаной обложке с пожелтевшими страницами. Книга была закрыта, но создавалось впечатление, словно она захлопнулась только что. Стол секретаря стоял рядом с окном, выходящим на улицу, и в оконном стекле зияла большая дыра, как будто через нее вышвырнули человеческое тело. Никаких других следов мистера Бэрриджа не было.

Оба мужчины остолбенели. Первым начал постепенно приходить в себя профессор. Никогда еще взгляд его не был столь трезвым и рассудительным, как в ту минуту, когда он медленно повернулся и протянул руку миссионеру.

— Мистер Прингл, — ошеломленно произнес он, — прошу вас меня извинить. Я прошу прощения за те подозрения и за те мысли, которые у меня были на ваш счет. Любой человек, считающий себя ученым, не имеет права отрицать очевидных фактов.

— Я думаю, — не без сомнения в голосе произнес Прингл, — нужно попытаться что-нибудь выяснить. Вы можете позвонить ему домой, узнать, не возвращался ли он?

— По-моему, у него нет телефона, — неуверенно ответил Опеншоу. — Он живет, кажется, где-то в районе Хэмпстеда, но, наверняка ведь, если его хватятся, кто-нибудь обратится сюда, друзья или родственники.

— Может, стоит составить его описание? Вдруг полиция его потребует, — предложил миссионер.

— Полиция! — воскликнул профессор, стряхивая с себя задумчивость. — Описание... Боюсь, что выглядел он совершенно непримечательно... Ну разве что глаза немного навывкате... Обычный аккуратный мужчина, без усов, без бороды, таких тысячи. Но полиция... Послушайте, что же нам делать со всем этим безумием?

— Я знаю, что мне делать, — твердо сказал преподобный мистер Прингл. — Я сейчас же отвезу эту книгу прямиком доктору Хэнки и спрошу его, что, черт возьми, все это означает. Он живет тут неподалеку. Съезжу и сразу обратно, передам, что он скажет.

— Хорошо, — помолчав, согласился профессор и тяжело опустился на кресло. Очевидно, он обрадовался возможности отделаться от ответственности. Но еще долго после того, как торопливые звонкие шаги маленького миссионера стихли на улице, профессор сидел в той же позе, отрешенно глядя в одну точку, как человек, впавший в транс. Он сидел на том же месте и почти в том же расположении духа, когда с улицы опять донеслись шаги, и в комнату вошел миссионер, но уже с пустыми руками.

— Доктор Хэнки попросил оставить его с книгой на час, ему нужно подумать, — с серьезным видом произнес Прингл. — А потом он ждет нас у себя. Сказал, что объявит свое решение. Он просил передать вам, профессор, что очень хочет, чтобы вы непременно пришли со мной. Опеншоу продолжал молча смотреть перед собой, потом неожиданно воскликнул:

— Дьявол! Этот доктор Хэнки, кто он такой?

— Вы это сказали так, будто подразумеваете, что он и есть дьявол, — с улыбкой заметил Прингл. — И, я думаю, вы не первый, кто так говорит. Он довольно известный человек примерно в той же области, что и вы, но славу свою приобрел большей частью в Индии, изучая местную магию и так далее, поэтому здесь он, может быть, и меньше известен. Это желтый тощий дьявол, невысокий, хромоногий и с жутким характером. Но у него вполне приличная практика в наших краях и ничего особенно плохого я о нем сказать не могу... Если не считать, что он — единственный, кто предположительно хоть что-то знает обо всей этой чертовщине.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся и подошел к телефону. Он позвонил отцу Брауну, перенес встречу на вечер, освобождая себе время для экспедиции в дом англо-индийского врача, после чего снова сел, закурил сигару и глубоко задумался.

Отец Браун вошел в ресторан, где должна была состояться встреча, и какое-то время походил по вестибюлю, полному зеркал и пальм в горшках. Ему было известно, с кем Опеншоу собирался встречаться днем, и теперь, когда за окнами уже стемнело и предвещавший ночную бурю ветер раскачивал ветви деревьев, понял, что свидание это затянулось и обернулось чем-то неожиданным. У него даже возникла мысль, что профессор вообще не придет, но, когда тот все-таки явился, стало ясно, что догадки его были недалеки от истины. Глаза

профессора бешено вращались, а волосы его были всклокочены, когда он вместе с мистером Принглом вернулся из путешествия на север Лондона, из края обширных поросших вереском пустошей и пустырей, которые кажутся хмурыми и неприветливыми в лучах грозного заката. Как бы то ни было, они нашли нужный дом, стоящий чуть в стороне от остальных зданий, увидели медную табличку с выгравированной надписью: «Дж. И. Хэнки, доктор медицины, член Королевского хирургического общества», да вот только самого Дж. И. Хэнки, доктора медицины, члена Королевского хирургического общества, они не обнаружили. Увидели только то, что им нашептывало страшное предчувствие: пустую гостиную, в которой на столе лежала проклятая книга, как будто ее только что читали, и открытую настежь дверь во двор, за которой, присмотревшись, можно было различить вереницу следов на садовой дорожке, уходившую вверх так круто, что ни один хромой по ней взбежать не смог бы. И все же следы эти, несомненно, принадлежали хромоте человеку, поскольку среди них виднелись бесформенные, неровные отпечатки чего-то наподобие ортопедического ботинка. Потом шло два отпечатка одного этого ботинка (словно человек прыгал на одной ноге) и дальше — ничего. О судьбе доктора Дж. И. Хэнки ничего не было известно, похоже, он принял решение, заглянул в книгу, после чего его настиг рок. Когда двое прошли под пальмами через вестибюль, Прингл бросил книгу на маленький столик так, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством посмотрел на нее. На обложке книги неровными грубоватыми буквами было написано:

Того, кто книгу эту открывал,

Крылатый ужас забирал.

Ниже, как он позже заметил, то же предостережение было начертано на греческом, латинском и французском. Профессор и миссионер были настолько утомлены путешествием и до того взволнованы, что им, естественно, захотелось освежиться, и Опеншоу подозвал официанта, который принес на подносе коктейли.

— Надеюсь, вы поужинаете с нами, — спросил Опеншоу Прингла, но тот лишь покачал головой.

— Простите меня, — сказал он, — но я собираюсь пойти куда-нибудь и все-таки разобраться с этой книгой и со всем, что вокруг нее творится. Вы не позволите мне на часок занять ваш кабинет?

— Но... Боюсь, там закрыто, — несколько удивился Опеншоу.

— Вы забыли, там же выбито окно. — Лицо преподобного Люка Прингла растянулось в широкой улыбке, он вышел из ресторана и скрылся в ночи.

— Странный все-таки он человек, — произнес профессор, задумчиво нахмутив брови и проводив его взглядом.

Однако, повернувшись к отцу Брауну, он с изумлением увидел, что тот беседует с официантом, принесшим коктейли, явно о каких-то его (официанта) делах, поскольку разговор шел о ребенке, которому «уже ничего не грозит». Профессор поинтересовался у Брауна, откуда он знает этого человека, на что тот ответил:

— О, я здесь обедаю раз в два-три месяца, и мы время от времени разговариваем.

Профессор, который обедал здесь примерно пять раз в неделю, подумал, что ему никогда не приходило в голову о чем-то разговаривать с официантами, но мысли его были прерваны неожиданным резким звонком, после чего его пригласили к телефону. Голос, донесшийся из трубки, сказал, что это Прингл. Голос звучал приглушенно, но причиной тому могла быть и кустистая борода миссионера. Впрочем, кто говорит, можно было понять и без представления.

— Профессор, — зашуршал голос, — я больше этого не вынесу. Я собираюсь заглянуть в нее. Я звоню из вашего кабинета, и книга лежит передо мной. Если со мной что-нибудь случится, я хочу заранее попрощаться... Нет, не пытайтесь меня отговорить, и вы все равно не успеете сюда добраться. Я уже открываю книгу. Я...

Опеншоу показалось, что он услышал какое-то дрожание или вибрацию, почти беззвучный толчок. Он несколько раз прокричал в трубку имя Прингла, но ответа не последовало. Профессор повесил трубку, придал лицу бесстрастное академическое спокойствие (впрочем, сильно смахивающее на оцепенение, вызванное отчаянием), вернулся к столику, занял свое место и ровным, четким голосом, как будто рассказывал о каком-то глупом закончившемся провалом ухищрении очередного медиума- шарлатана, подробно поведал священнику обо всем, связанном с этой чудовищной загадкой.

— Это невообразимо, но уже пять человек исчезли, — сообщил он. — Каждый из этих случаев можно назвать исключительным, но меня

больше всего поразил мой секретарь, Бэрридж. И потому, что он был, наверное, тишайшим существом на земле, его исчезновение кажется самым загадочным.

— Да, — согласился отец Браун. — В любом случае, Бэрридж поступил довольно странно. Он ведь человек невероятно сознательный и всегда разделял работу и свою личную жизнь. Мало кто знал, что в домашней обстановке это был весельчак, каких поискать, и к тому же...

— Кто, Бэрридж? — воскликнул профессор. — О чем вы говорите? Вы что, были знакомы с ним?

— Нет, — беспечно ответил отец Браун. — Не больше чем с этим официантом. Мне частенько приходилось ждать вас у вашего кабинета, и, разумеется, я проводил какое-то время рядом с бедным Бэрриджем. Знаете, он был немного чудаковатым человеком. Я помню, однажды он рассказал, что хочет начать коллекционировать всякие безделушки. Вы, наверное, слышали, что некоторые люди собирают всякие ненужные вещи, в которых они видят какую-то ценность. Помните ту историю про женщину, которая собирала бесполезные вещи?

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — сказал Опеншоу, — но даже если мой секретарь был человеком со странностями (хотя, если честно, уж кого-кого, а его я никогда не считал чудаком), это не объясняет того, что с ним произошло. Ну а того, что произошло с другими, и подавно.

— С какими другими? — спросил священник.

Профессор оторопело посмотрел на него и медленно, с расстановкой сказал, будто обращаясь к ребенку:

— Дорогой мой отец Браун, исчезли пять человек!

— Дорогой мой профессор Опеншоу, ни один человек не исчез.

Отец Браун смотрел на своего соседа так же внимательно и говорил так же отчетливо. Тем не менее профессор потребовал от него повторить эти слова, и они были повторены с той же отчетливостью.

— Я сказал, что никто не исчезал. — Через секунду он добавил: — Самая трудная штука в мире — убедить кого-то, что $0+0+0=0$. Люди верят в самые безумные вещи, если они не единичны, а повторяются. Именно поэтому Макбет поверил предсказаниям трех ведьм, хотя первая сказала то, что он и сам знал, а третья — то, что зависело только от него. Но в вашем случае самое слабое звено промежуточное.

— Как вас понимать?

— На ваших глазах не пропал никто. Вы не видели, как исчез человек на лодке, вы не видели, как исчез человек в палатке. Об этом вам известно только со слов мистера Прингла, о котором я пока что не буду говорить. Но признайте: вы бы никогда не поверили его словам, если бы не получили подтверждение в виде исчезновения вашего секретаря. Точно так же Макбет никогда не поверил бы, что станет королем, если бы не сбылось другое предсказание — что он станет кавдорским таном.

— Можно и так сказать, — согласился профессор, медленно кивнув. — Но ведь я получил подтверждение и убедился, что все это правда. Вы говорите, что я сам ничего не видел. Но я же видел! Я видел, как исчез мой собственный секретарь. Что ни говори, но ведь Бэрридж исчез!

— Бэрридж не исчез, — сказал отец Браун. — Напротив.

— Как, черт подери, вас понимать? Что значит «напротив»?

— Это значит, — спокойно произнес отец Браун, — что он не исчезал. Он появился.

Опеншоу уставился на сидящего перед ним друга, но во взгляде его возникло то выражение, которое появлялось всякий раз, когда какой-то вопрос неожиданно представлялся ему в новом свете. Священник тем временем продолжал:

— Он появился в вашем кабинете с густой рыжей бородой и в неудобном наглухо застегнутом плаще и представился преподобным Люком Принглом. Вы же до этого обращали на своего секретаря настолько мало внимания, что не узнали его в этом грубом маскараде.

— Но ведь... — начал было профессор, но священник перебил его: — Вы смогли бы назвать полиции его приметы? Нет. Возможно, вы вспомнили бы только, что он всегда чисто выбрит и носит затемненные очки. Ему, чтобы замаскироваться, даже не нужно было переодеваться, он мог бы просто снять очки, и вы бы ни за что его не узнали. Глаза его вы знали не больше, чем его душу. А глаза эти были насмешливыми. Он приготовил свою нелепую книгу, потом спокойно выбил окно, нацепил бороду, надел плащ и вошел в ваш кабинет, зная, что вы до этого никогда не смотрели ему в лицо.

— Но зачем ему понадобилось проделывать такие безумства? — не унимался Опеншоу.

— Неужели вы не понимаете? Именно потому, что вы никогда не смотрели ему в лицо! — сказал отец Браун, при этом пальцы его несильно сжались, и он приподнял руку, словно хотел ударить кулаком по столу. — Вы называли его счетной машиной, потому что ни для чего другого вы его не использовали. Вы не знали о нем даже того, что узнал бы за пять минут разговора любой посторонний, зайдя в вашу приемную: что он был человеком, что он был весельчаком, что у него имелись свои суждения насчет вас, насчет ваших теорий и насчет вашего умения «выводить на чистую воду» других людей. Неужели вы не понимаете, как ему хотелось доказать, что вы не сможете изобличить даже собственного служащего? У него было множество самых невероятных идей. Например, насчет коллекционирования разного хлама. Неужели вы не слышали о женщине, купившей две совершенно ненужные вещи: старую медную табличку врача и деревянную ногу? С их помощью ваш изобретательный секретарь и создал образ почтенного доктора Хэнки, которого поселил в своем же доме. Это было не сложнее, чем придумать воображаемого капитана Уэйлза.

— Погодите, не хотите же вы сказать, что тот дом за Хэмпстедом, в котором мы побывали, это дом самого Бэрриджа? — ошеломленно спросил Опеншоу.

— А вы бывали у него раньше? Хотя бы адрес его вы знали? — возразил священник. — Послушайте, я не хочу принизить ни вас, ни вашу работу. Вы — великий служитель истины и знаете, что я никогда бы не позволил себе проявить к вам неуважение. Вы видели множество лжецов и сумели уличить их в обмане. Но не смотрите вы только на обманщиков. Смотрите, хотя бы изредка, и на честных людей... таких, как официант.

— А где сейчас Бэрридж? — спросил профессор после долгого молчания.

— У меня нет ни малейшего сомнения, — сказал отец Браун, — что сейчас он в вашем кабинете. Более того, он оказался там в тот самый миг, когда преподобный Люк Прингл открыл ту злосчастную книгу и растворился в небытии.

Снова надолго наступила тишина, а потом профессор Опеншоу рассмеялся, и это был смех человека, который достаточно умен, чтобы не бояться признать свою неправоту.

— Наверное, я заслужил это тем, что не замечал своих ближайших помощников. Но, признайте, сочетание обстоятельств было достаточно убедительным. Неужели у вас хоть на секунду не возникло страха перед этой жуткой книгой?

— Что? Ах да! Нет, не возникло, — ответил отец Браун. — Я раскрыл ее, как только увидел. Там одни пустые страницы. Я, видите ли, не суеверен.

1

Килмени — героиня поэмы шотландского поэта Джеймса Хогга «Пробуждение королевы».

2

Томас-Рифмач — шотландский бард XIII в. По преданию, его полюбила и увела за собой королева эльфов.

3

Баббидж, Чарлз (1791—1871) — английский математик, изобретатель аналитической счетной машины.

Сапфировый крест

Между серебряной лентой утреннего неба и искрящейся зеленой лентой моря к Хариджскому причалу пристал пароход. Он выпустил на берег беспокойный рой темных фигур, и человек, за которым мы последуем, ничем не выделялся среди них... Да он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания, кроме, разве что, некоторого несоответствия между нарядностью выходного костюма и официальной строгостью лица. Одет он был в легкий светло-серый пиджак, белый жилет и соломенную шляпу серебристого цвета с пепельно-голубой лентой. Из-за светлой одежды тощее лицо его казалось темнее, чем оно было на самом деле. Короткая черная бородка мужчины придавала ему определенное сходство с испанцем и одновременно наводила на мысль о гофрированных круглых воротниках елизаветинских времен. С сосредоточенностью человека, которому нечем заняться, он курил сигарету. Глядя на него, никто не догадался бы, что под светлым пиджаком скрывается заряженный револьвер, в кармане белого жилета — удостоверение полицейского, а под соломенной шляпой — один из величайших умов Европы, ибо это был сам Валантэн, глава парижской полиции и самый знаменитый сыщик в мире. Он направлялся из Брюсселя в Лондон, чтобы произвести там самый громкий арест века.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец смогла выследить великого преступника, который из Гента переехал в Брюссель, а из Брюсселя перебрался в Хук ван Холланд. Было решено, что он захочет воспользоваться суматохой, вызванной евхаристическим конгрессом, чтобы осесть в Лондоне. Вероятно, он мог путешествовать под видом какого-нибудь неприметного церковнослужителя или секретаря, приехавшего на съезд духовенства, впрочем, полной уверенности в этом у Валантэна, разумеется, не было. Ни в чем нельзя быть уверенным, когда речь идет о Фламбо.

Прошло уже много лет с тех пор, как этот колосс преступности неожиданно перестал держать мир в волнении; и когда он затих (поговаривают, причиной тому была смерть Роланда), на земле воцарилось великое спокойствие. Но в лучшие свои дни (я, конечно же, имею в виду его худшие дни) Фламбо был велик и повсеместно

известен не меньше, чем кайзер. Почти каждое утро газеты приносили весть о том, что новое дерзкое преступление позволило ему избежать преследования за предыдущее. Это был отчаянный гасконец огромного роста и богатырского сложения. О шутках этого атлета ходили самые невероятные легенды. Рассказывали, как однажды он перевернул следователя вверх ногами и наступил ему на голову ногой, «чтобы прочистить ему мозги»; как он бежал по Рю де Риволи, неся под мышками по полицейскому. Правда, справедливости ради, нужно сказать, что огромную силу свою он пускал в ход чаще всего для подобных бескровных, хоть и унижительных для жертвы выходов; он был вором и крал изобретательно и с размахом. Каждая его кража могла стать новым грехом и была настолько неповторима, что заслуживала того, чтобы посвятить ей отдельный рассказ. Это он организовал в Лондоне знаменитую «Тирольскую молочную компанию», которая не владела ни молочным хозяйством, ни коровами, ни транспортом, ни молоком, зато имела около тысячи подписчиков. Их он обслуживал очень простым способом: собирал по улицам стоящие под дверьми маленькие молочные бидоны и расставлял их у порогов своих клиентов. Это ему удавалось вести довольно оживленную и откровенную переписку с одной юной леди, вся почта которой перехватывалась и проверялась. Для этого он придумал поразительно ловкий прием: фотографировал свои послания через микроскоп и посылал ей фотографии, уменьшенные до крошечных размеров. Многие его проделки отличала удивительная простота. Говорят, что как-то раз под покровом ночи он перекрасил номера всех домов улицы лишь для того, чтобы заманить в ловушку свою очередную жертву. Доподлинно известно, что это Фламбо изобрел переносные почтовые ящики, он расставлял их в пригородах на тихих улочках в расчете на то, что какой-нибудь случайный прохожий опустит туда почтовый перевод. Помимо всего прочего, он был изумительным акробатом; несмотря на большой рост и могучую фигуру, прыгал он, как кузнечик, и мог взобраться на любое дерево не хуже обезьяны. Поэтому великий Валантэн, отправляясь на поиски Фламбо, не сомневался, что приключения его не закончатся, когда он его разыщет.

Но как его найти? Этого великий сыщик еще не решил.

Фламбо был мастером по части грима и маскировки, но в его внешности было такое, чего он не мог скрыть, — это необыкновенный рост. Если бы острый глаз Валантэна углядел высокую торговку яблоками, высокого гренадера или даже подозрительно высокую герцогиню, он мог бы незамедлительно арестовать их. Но среди пассажиров поезда, на который он сел, не было никого, похожего на переодетого Фламбо больше, чем замаскированная кошка может походить на жирафа. В своих попутчиках с парохода он не сомневался, тех же, кто сел в поезд в Харидже или подсаживался на промежуточных станциях, было всего шестеро. Это коренастый железнодорожный служащий, едущий до конечной станции, три невысоких огородника, подсевших на третьей остановке, одна вдова совсем маленького роста, направляющаяся в Лондон из какого-то крохотного эссекского городка, и такой же низкорослый католический священник, едущий из какой-то крохотной эссекской деревушки. Увидев последнего, Валантэн махнул рукой и чуть не рассмеялся. Этот маленький священник был живым воплощением скучных серых долин востока Англии, которые проплывали за окном. Лицо у него было круглое и бесцветное, как норфолкская лепешка, а глаза — пустые, как Северное море, он с трудом удерживал несколько коричневых бумажных свертков и пакетов, которые то и дело норовили выпасть у него из рук. Евхаристический конгресс наверняка сорвал с насиженных мест множество подобных существ, слепых и беспомощных, как крот, которого вытащили из норы. Валантэн по-французски сурово относился к религии и священников не любил. Однако ничто не мешало ему испытывать к ним жалость, а этот мог вызвать жалость у кого угодно. У него с собой был большой потрепанный зонтик, который постоянно падал на пол, он, похоже, даже не знал, что ему делать с билетом. С простодушием идиота он всем рассказывал, что ему нужно быть осторожным, потому что в одном из коричневых бумажных пакетов он везет с собой что-то, сделанное из «чистого серебра с голубыми камнями». Это удивительное смешение эссекского простодушия с воистину святой простотой удивляло француза всю дорогу до Тоттнема, где священник со всеми своими свертками наконец сошел (кое-как) и вернулся за позабытым зонтиком. Снова увидев его в вагоне, Валантэн был даже так добр, что посоветовал ему не рассказывать всем вокруг о серебре,

если хочет доставить его в целостности и сохранности. Впрочем, с кем бы Валантэн ни разговаривал, бдительности он не терял, и глаза его внимательно рассматривали любого, богатого или бедного, мужчину или женщину, чей рост был близок к шести футам, поскольку рост Фламбо был шесть футов четыре дюйма.

Как бы то ни было, на вокзале Ливерпуль-стрит он сошел в полной уверенности, что пока что не пропустил преступника. Потом он съездил в Скотленд-ярд официально оформить свое пребывание в городе и договориться о том, чтобы в случае необходимости ему предоставили помощь. Выйдя из полицейского управления, он закурил очередную сигарету и отправился бродить по Лондону. Прохаживаясь по улицам и площадям позади Виктории, он неожиданно остановился. Перед ним была старая тихая, словно застывшая, типично лондонская площадь. Высокие плоские дома вокруг казались одновременно богатыми и необитаемыми. Площадка с кустами в самой ее середине напоминала затерянный в Тихом океане зеленый островок. Одна из четырех сторон площади была значительно выше остальных, как кафедра в зале, и эта ровная линия разбивалась зданием, которое казалось здесь совсем не к месту, но придавало всей площади особое очарование. Это был ресторан, выглядевший так, словно каким-то образом случайно переместился сюда из Сохо. Карликовые растения в горшочках, длинные белые в лимонно-желтую полоску шторы — чужеродной красотой своей дом этот притягивал к себе взгляд. Он возвышался над всеми остальными зданиями, и высокая лестница, ведущая к парадной двери, чуть ли не на уровне второго этажа, очень напоминала пожарный выход — еще одна типично лондонская нелепость. Валантэн долго стоял перед этим зданием, он курил и рассматривал полосатые занавески.

Самое удивительное в чудесах то, что иногда они случаются.

Несколько облаков на небе могут сложиться в форме человеческого глаза. Во время утомительного и скучного путешествия можно увидеть одинокое дерево, выделяющееся на фоне пустынного пейзажа, точно как вопросительный знак. Я сам не так давно видел и то и другое. Нельсон умирает в миг победы, а человек по фамилии Вильямсон совершенно случайно убивает человека, фамилия которого — Вильямсон... Звучит, как отчет о детоубийстве. Короче говоря, в жизни есть место чудесному совпадению, которое может постоянно

ускользать от людей прозаического склада ума. Как прекрасно сказано в парадоксе По, мудрость должна полагаться на непредвиденное. Аристид Валантэн был настоящим французом, а ум француза — это чистый ум и ничего больше. Нет, он не был «мыслящей машиной», поскольку это бессмысленное понятие — не более чем выдумка современных фаталистов и материалистов. Машина является машиной, как раз потому что не может мыслить. Он был мыслящим человеком, при этом прямым и простым. За его поразительным успехом, казавшимся настоящим чудом, стояла обычная четкая французская мысль и железная логика. Французы удивляют мир не парадоксами, а воплощением в жизнь азбучных истин. Они доводят их до... вспомните Французскую революцию. Но именно поскольку Валантэн понимал, что такое разум, он понимал и пределы разума. Только человек, не знающий ничего о машинах, может говорить о езде без горючего; только человек, не знающий ничего о разуме, может говорить о мышлении, лишенном крепких фундаментальных предпосылок. Сейчас у Валантэна крепких предпосылок не было. В Харидже Фламбо не обнаружился, и, если он и находился в Лондоне, то мог быть кем угодно, от долговязого бродяги в Уимблдон-коммон до высокого распорядителя застолья в гостинице «Метрополь». Для таких ситуаций, как эта, когда совершенно непонятно, в какую сторону направляться дальше, у великого сыщика имелся особый метод. В подобных ситуациях он полагался на случай. Когда действовать разумно было нельзя, он спокойно и методично действовал безрассудно. Вместо того чтобы ходить по «правильным» местам (банки, полицейские участки), встречаться с нужными людьми, он начинал ходить по местам «неправильным», заходил в каждый попавшийся на дороге пустой дом, осматривал каждый cul-de-sac⁴, не пропускал ни одной грязной, заваленной мусором улочки, сворачивал во все закоулки, которые бесцельно уводили его в сторону. И на это безумство у него было вполне логическое объяснение. Он говорил, что, если след есть, это худший путь, если же следа нет — это лучший путь, поскольку оставался шанс, что, если что-то необычное привлекло внимание преследователя, оно точно так же могло привлечь внимание преследуемого. Откуда-то ведь нужно начинать, и лучше начинать с того места, где другой мог остановиться. Что-то в крутизне лестницы, ведущей к двери, что-то в спокойствии и необычности

ресторана тронуло сыщика за душу, и он решил действовать наудачу. Он поднялся по лестнице, сел за столик у окна и заказал чашечку черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал, о чем ему напомнили остатки чужого завтрака на соседнем столике. Добавив к заказу яйцо-пашот, он стал рассеянно сыпать в кофе белый сахар, думая о Фламбо. Валантэн вспоминал, как Фламбо удавалось уходить от преследования: один раз он использовал для этого маникюрные ножнички, а в другой раз поджег дом; однажды сослался на то, что ему нужно заплатить за письмо без марки и улизнул прямо из-под носа, а как-то собрал толпу желающих посмотреть в телескоп на комету, которая могла уничтожить Землю. Глава парижской полиции не сомневался, что его сыщицкий мозг ничем не хуже мозга преступника, и был прав, но при этом четко осознавал разницу. «Преступник — творец, сыщик — всего лишь критик», — подумал он, горько улыбнулся и медленно поднес чашку кофе к губам и тут же опустил. Вместо сахара он насыпал в напиток соль.

Валантэн посмотрел на сосуд, из которого взял белый порошок. Вне всякого сомнения, это была сахарница. Точно так же предназначенная для сахара, как коньячная бутылка предназначена для коньяка. Почему же в нее насыпана соль? Осмотрев стол, он увидел другие привычные сосуды. Да, вот две солонки, обе полны до краев. Может быть, приправы, находящиеся в солонках, чем-то отличаются?

Попробовал — сахар! После этого он со значительно возросшим интересом осмотрелся кругом: нет ли здесь других следов столь оригинального художественного вкуса, который заставил кого-то насыпать сахар в солонки, а соль — в сахарницу? Если не обращать внимания на странное пятно какой-то темной жидкости на белых обоях, ресторан казался самым обычным, чистым и уютным местом. Позвонив в колокольчик, он подозвал официанта.

Когда служитель — растрепанный, со слегка затуманенными в столь ранний час глазами — торопливо подошел, сыщик (который был не чужд простейших форм юмора) попросил его попробовать сахар и сказать, соответствует ли он высокой репутации заведения. Это привело к тому, что официант неожиданно зевнул и проснулся. — У вас что, принято каждое утро так тонко подшучивать над посетителями? — поинтересовался Валантэн. — Не кажется ли вам,

что шутка с подменой сахара солью несколько устарела?

Официант, когда ему стала понятна ирония, заикаясь заверил его, что ни у кого не было намерения делать это специально и что произошла просто нелепая ошибка. Он поднял сахарницу, посмотрел на нее, поднял солонку и так же внимательно повертел ее перед глазами.

Удивленное выражение на его лице проступало все отчетливее.

Наконец он, коротко извинившись, убежал и вернулся через несколько секунд с хозяином ресторана. Тот тоже осмотрел сначала сахарницу, потом солонку и тоже пришел в удивление.

И вдруг официанта осенило.

— Так это, наверное, — захлебываясь, затараторил он, — это, наверное, те двое священников.

— Какие двое священников?

— Ну, те двое, которые плеснули супом в стену.

— Плеснули супом в стену? — удивленно повторил Валантэн, посчитав, что это, должно быть, какая-то необычная итальянская метафора.

— Да, да! — возбужденно воскликнул служитель и указал на темное пятно на белых обоях. — Вон туда на стену плеснули.

Тогда Валантэн перевел вопросительный взгляд на хозяина, и тот пришел на помощь с более подробным рассказом.

— Да, сэр, — сказал он. — Совершенно верно, хотя я не думаю, что это имеет какое-то отношение к сахару и соли. Двое священников сегодня утром, очень рано, как только мы открыли ставни, зашли и заказали бульон. Оба выглядели вполне приличными, спокойными людьми. Потом один расплатился и ушел, а второй (он сразу показался мне копушей) задержался еще на пару минут, вещи свои собирал. Потом и он ушел, только, перед тем как выйти, буквально за секунду до того, как выйти на улицу, взял свою чашку, наполовину полную, и выплеснул ее содержимое на стену. Я тогда был в задней комнате, официант тоже, и когда мы выбежали, в зале уже никого не было, только вот это пятно красовалось на стене. Особого вреда тут нет, но это было сделано настолько нагло, что я выбежал на улицу, чтобы догнать этих людей, но они оказались уже слишком далеко. Я только успел заметить, что они свернули за угол на Карстарс-стрит.

Сыщик вскочил, надел шляпу и взял трость. Он уже давно решил, что в бездонной тьме неведения ему должно следовать в направлении,

обозначенном первым же указующим перстом, каким бы необычным он ни выглядел. Этот перст казался достаточно необычным. Заплатив по счету и хлопнув стеклянной дверью, вскоре он уже заворачивал за угол на Карстарс-стрит.

К счастью, даже в такие волнительные минуты он не терял бдительности. Когда он торопливо прошел мимо одной из лавок, что-то привлекло его внимание и заставило вернуться. Оказалось, это была лавка торговца фруктами. На открытом прилавке тесными рядами были аккуратно расставлены ящики с разнообразными товарами, каждый из которых снабжен табличкой с названием и ценой. В двух, самых больших, возвышались две горки, одна из апельсинов, другая из орехов. На горке орехов лежала картонная карточка, на которой синим мелом было жирно написано: «Свежайшие апельсины, 2 шт. — пенни». На горке апельсинов красовалось такое же совершенно четкое и однозначное описание: «Лучшие бразильские орехи, 1 унц. — 6 пенсов». Месье Валантэн посмотрел на эти ценники и почувствовал, что уже сталкивался с таким утонченным чувством юмора, и не так давно. Он указал на эту неточность краснощекому продавцу за прилавком, который угрюмо посматривал по сторонам. Торговец ничего не сказал, но резким движением поменял местами карточки. Сыщик, элегантно опираясь на трость, продолжил осмотр прилавка. Наконец он сказал:

— Прошу прощения за то, что отвлекаю вас, сэр, но я бы хотел задать вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциативности мышления.

Краснощекий зеленщик смерил его взглядом, не предвещавшим приятной беседы. Но Валантэн, покручивая тростью, продолжил самым жизнерадостным тоном:

— Каким образом, — спросил он, — два ошибочно расположенных ценника на прилавке торговца фруктами напоминают нам о священнике, приехавшем по делам в Лондон? Или, если я выражаюсь недостаточно понятно, что за мистическая ассоциация связывает идею об орехах, обозначенных как апельсины, с идеей о двух священнослужителях, один из которых высокий, а второй низкий?

Тут глаза торговца полезли из орбит, как у улитки, на секунду показалось, что он бросится на незнакомца. Наконец, едва сдерживая

ярость, он заговорил:

— Не знаю я, какое вам до этого дело, но если вы их знаете, можете им от меня передать, что я им их тупые башки поотбиваю, если они еще раз перевернут мои яблоки. И мне все равно, попы они или не попы!

— О! — голосом, полным сочувствия, воскликнул сыщик. — Они в самом деле перевернули ваши яблоки?

— Один из них, — продолжал горячиться продавец. — По всей улице раскатились! Я бы поймал этого болвана, так яблоки собрать надо было.

— А куда пошли эти попы?

— Вон по той второй дороге по левую руку вверх, а потом через площадь, — быстро ответил краснощекий.

— Спасибо, — бросил Валантэн и растворился в воздухе, будто фея. На дальней стороне следующей площади он увидел полицейского и подбежал к нему. — Это срочно, констебль, вы не видели двух священников в широкополых шляпах?

Полицейский тихо засмеялся.

— Как же не видел? Видел, сэр, и мне сдалось, что один из них пьяный был. Он остановился прямо посреди дороги и с таким удивленным видом...

— Куда они пошли? — не дал ему договорить Валантэн.

— Вон там сели на один из тех желтых омнибусов, — ответил постовой. — До Хампстеда.

Валантэн показал ему свое удостоверение и скороговоркой выпалил:

— Я за ними. Найдите двух человек, мне нужна помощь, — и помчался через дорогу так целеустремленно, что дюжий полицейский без лишних вопросов послушно бросился исполнять поручение. Через полторы минуты французского сыщика на противоположном тротуаре нагнали инспектор и какой-то человек в штатском.

— Итак, сэр, — спросил инспектор, деловой улыбкой давая понять, что осознает всю важность ситуации, — чем мы можем?..

Валантэн выбросил вперед трость.

— В омнибус! Все расскажу на империале, — выкрикнул он и метнулся к стоянке, ловко лавируя между потоками карет и машин. Когда все трое, тяжело дыша, заняли места на втором этаже желтого омнибуса, инспектор сказал:

— На такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

— Верно, — спокойно ответил их предводитель, — если знать, куда ехать.

— Так куда же мы едем? — не без удивления поинтересовался его помощник.

Нахмурившись, Валантэн сделал несколько долгих затяжек, потом вынул изо рта сигарету и сказал:

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ